

УДК 316

ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ФИЛЬТРАЦИИ ВРЕДНОЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ ИНФОРМАЦИИ НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ ПОДХОДОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

© 2018 г.

А.К. Полянина

Полянина Алла Керимовна, к.э.н.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Alker@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 01.10.2018**Статья принята к публикации 31.10.2018*

Анализируются разнообразные показатели эффективности систем информационной безопасности детей. Классификация моделей фильтрации негативного контента проводится в соответствии с тремя ценностными классами граждан, в зависимости от их приверженности к определённым ценностям, условно обозначенным как «традиционные» ценности и ценности «самовыражения». Применяется авторская терминология, обозначающая комплексную характеристику информационного фильтра: реальный (социально ориентированный) информационный фильтр означает эффективную систему фильтрации вредной информации; целевой (религиозный) фильтр основывается на религиозных убеждениях населения и имеет целью сохранение каналов трансляции традиционных установок; квазифilter существует в качестве демонстрации заботы о детях и уровня развитости государства; псевдо-фильтр (антисоциальный) означает деформацию реального фильтра в сторону защиты узкосоциальных интересов (меньшинств) в ущерб интересам большинства, тесно связан с феноменом деформации современной демократии и отходом от научного обоснования вредности информационного контента в угоду политически ангажированной демонстрации приверженности либеральным ценностям.

Предпринимается попытка выявления закономерностей трансформации информационных фильтров. Подтверждается зависимость модели информационной безопасности от принятого в стране социального статуса детства. Отмечается, что научная обоснованность вредности определённых контентов информации и объективная интерпретация исследований вновь появляющихся угроз позволит обеспечить баланс интересов потребителей информации и эффективный социальный контроль как механизм противодействия социальной дезорганизации.

Ключевые слова: социальный контроль, фильтрация информации, вредная для детей информация, информационная безопасность детей, ценности, свобода слова, цензура, статус детства.

Введение

Информационная безопасность детей основывается на понимании реальности угроз со стороны информационного пространства, окружающего ребёнка. Определение таких угроз ведёт к формулированию критериев вредной для детей информации. Несмотря на признание мировым сообществом необходимости охраны детства, имеются существенные различия в пределах допустимой для потребления детьми информации в разных регионах мира в зависимости от культурной и политической среды. Это обстоятельство, в свою очередь, определяет существование противоречий в отношении к конкретным элементам информационного контента и установлению системы фильтрации вредного контента.

Особенности интерпретации критериев вредной информации, сочетание их в национальных моделях информационной безопасности детей или существование доминирующего критерия, определяющего информацию как вредную для

детей, нуждаются в социологическом анализе. Рассмотрение зарубежных моделей фильтрации негативной информации в соответствии с ценностными ориентациями населения стран и факторами культурно-исторической среды позволит выявить закономерности формирования специфических характеристик систем регулирования информационной сферы. Это же поможет определить возможности создания универсальных (международных) стандартов информационной безопасности детей, эффективных в разных регионах мира, отличающихся культурной парадигмой и мировоззренческой средой.

Теоретико-методологические основы

Проблемы регулирования публичного информационного пространства в целом и информационной безопасности детей в частности являются междисциплинарными научными проблемами. Так, в психологии достаточно глубоко изучено влияние вредной информации на сознание ребёнка, его волевою, эмоциональную и

познавательную сферу. Широко представлены правовые аспекты регулирования массовой информации в целях защиты детей, изучен принцип ограничения свободы слова в отечественной и международной практике. Именно на основе выводов прежде всего психологической и юридической науки разработаны и введены в действие нормативные акты Российской Федерации в области защиты детей от информации. Однако существующие социологические исследования общественных отношений в области регулирования оборота информационной продукции и механизмов взаимодействия субъектов массовых коммуникаций остаются невосполненными в процессе теоретического обоснования и организации информационной безопасности детства.

Проведены социальные исследования отдельных аспектов проблемы информационной безопасности детей. Например, исследования в сфере массовых коммуникаций и массовой информации выявляют степень опасности влияния средств массовой информации (Н. Брушлинская, А.Б. Гофман, А.А. Грабельников, И. Гусаченко, Т.Н. Кувенева, А.Г. Манаков, Г. Летрусь, В.С. Собкин); обосновывают принцип свободы и ответственности СМИ (*freedom and responsibility*), а также необходимость разработки новой социальной теории функционирования средств массовых коммуникаций на основе современных ценностей, направленной на решение новых проблем человечества в условиях глобализации, трансграничных информационных потоков на уровне сверхнациональных государственно-юридических образований (Я.В. Кондратьева, И.А. Зосименко, А.И. Черных) [1, с. 95]. В рамках социологической науки исследуются способы и методы предотвращения информационной агрессии (В.Д. Аносов, Ю.М. Батулин, В.А. Виноградов, А.М. Жодзишский, Г.М. Заракровский, В.Б. Ивасенко, И.М. Ильинский, Дж. Кин). Проблема регулирования оборота информации и медиапланирование, понимаемое как социальная технология управления информационными кампаниями [2], являются предметом изучения социологии управления.

Социологический подход к организации и обеспечению информационной безопасности детей формируется в рамках концепции социального контроля (С.Н. Майорова-Щеглова). При этом главным фактором технологии обеспечения информационной безопасности отдельными авторами видится статус детства в современном обществе. В зависимости от отношения взрослой группы к детям и детству для сохранения информационной безопасности применяются

либо технология ограждения/разрешения, либо технология просвещения/обучения [3].

В социологическом преломлении организация совместного регулирования оборота информации относится к проблемному полю социального контроля. Столкновение культурно-ценностных схем на определенных территориях обуславливает появление социальной дезорганизации, и социальный контроль представляется в виде механизма противодействия девиантному и делинквентному поведению. Использование инструментов обеспечения информационной безопасности имеет отношение к механизму противодействия девиантному поведению в информационном пространстве как реакция на угрозу со стороны социальной дезорганизации.

Вопросы социального контроля информационного пространства связаны также с явлением цензуры. Некоторые авторы, оценивая цензуру в положительном контексте, утверждают способность трансформации цензуры в универсальный механизм фильтрации информационного поля с целью поддержания равновесия между социальным запросом и предложением информации. В зависимости от адаптационных возможностей общества по отношению к социальным изменениям исследователи различают существующие в нём модели цензуры. Ими выделяется: социальная цензура, «амортизирующая социальные изменения путём формирования адаптационного пояса безопасности базисной культуры»; антисоциальная цензура, направленная на защиту интересов узкого круга лиц, но не всего общества в целом и тем самым разрушающая основы базисной культуры; асоциальная цензура, существующая формально; латентная цензура, официально запрещённая, но существующая в обществе фактически. Как и цензура, фильтрация информационного продукта с целью защиты детей выступает механизмом социального контроля, направленным на сохранение ценностного пространства, трансляцию норм и ценностей, поддержание эффективного функционирования системы социализации и культуры [4].

Задание в механизм фильтрации характеристик вредной информации выстраивает границы социального контроля. Содержание и состав критериев вредной информации в системе фильтрации рассматривается, с одной стороны, как важнейший фактор совместного регулирования информационной сферы, а с другой стороны – как показатель относимости общества к определённому *ценностному типу*.

С нашей точки зрения, именно принадлежность общества (или большинства его представителей) к ценностному типу влияет на воз-

возможности проявления в этом обществе отклоняющегося поведения, что, в свою очередь, влечёт, с одной стороны, включение в систему фильтрации тех или иных критериев, в некотором смысле разнообразия спектра фильтрации, и, с другой стороны, обуславливает само существование механизма обеспечения информационной безопасности и интенсивность принимаемых мер (или наличие самой проблемы вредной информации как таковой). Определение основного ценностного типа общества (страны) означает выявление возможностей применения тех или иных инструментов обеспечения информационной безопасности, а также тенденций развития регулирования информационной сферы. Эмпирической основой для данной работы послужили законодательные акты, а также результаты ряда социологических исследований.

На основе ценностной типологии европейских стран предпринята попытка выстроить классификацию моделей информационной безопасности детства. Опираясь на ценностные показатели Р. Инглхарта, В. Магун и М. Руднев сгруппировали всех респондентов на основе их ценностных показателей в три класса [5]. На базе 10 показателей Р. Инглхарта ими определены два ценностных параметра: «традиционные ценности» и «самовыражение», степень выраженности которых зависит от ряда факторов. Авторами выявлено, что респонденты, отнесённые к первому классу, предпочитают следование авторитетам, будь то религиозные догматы или государственная власть. Напротив, представители третьего класса предпочитают ценность независимых решений, личной инициативы и самовыражения. У респондентов, составляющих промежуточный второй класс, выявляется отсутствие ориентации на активность, стимулируемую как «сверху» от авторитетов, так и «изнутри» (личностную). Другими словами, эти люди уже отказались от «вертикальных» источников активности, но ещё не приобрели веру в «горизонтальные» (внутренние). Класс традиционалистов противопоставляется классу самореализующихся личностей.

Несмотря на значительную неоднородность стран по ценностному составу респондентов, выявлено, что «традиционалисты составляют гораздо большую долю в населении постсоциалистических и средиземноморских стран в сравнении с западноевропейскими и скандинавскими» и, наоборот, представители третьего класса, ориентированные на автономию, преобладают в западноевропейских и Скандинавских странах. Второй класс респондентов более распространён в постсоциалистических и средиземноморских странах и России, чем в Северной и Западной Европе. Кроме того, доля представителей второго проме-

жуточного класса с отсутствием как «вертикального», так и «горизонтального» регулирования поведения растёт прямо пропорционально росту потребления алкоголя, смертности от девиантных причин, самоубийств. Авторами отмечается, что это является следствием отказа от культурных запретов и норм и отражает собой социальную дезорганизацию. Ослабление внешнего социального контроля у представителей второго класса сопровождается несформированностью механизмов самоконтроля.

Классификация информационных фильтров в моделях информационной безопасности детей

Проведённая исследователями ценностная типология даёт возможность объяснить различия в системах социального контроля над оборотом информации, применяемых в разных странах. Так, в странах с большой долей людей, отнесённых к первому классу, применяют прежде всего систему государственно-правового регулирования и инструменты неформального социального контроля (традиционная мораль). Это можно объяснить готовностью и даже ожиданием населения мер государственного принуждения, стремлением к обеспечению безопасности в ущерб свободе выражения мнений как условия выживания. Приверженность представителей первого класса к конформности и традиции выражает готовность к послушанию и, соответственно, одобрение социальных санкций, применяемых к девиантному поведению, что, в свою очередь, объясняет эффективность жёсткого государственного регулирования, систему правовых запретов в отношении вредной информации, аппарат контролирующих государственных органов, интенсивность неформального социального контроля. Чем более в стране представителей третьего класса, сторонников ценности самовыражения, личной инициативы, автономии, тем более выражен такой тип регулирования информационной сферы и СМИ, в частности, как саморегулирование и, соответственно, меньшее значение имеют формы государственного воздействия. Для стран с преобладанием доли населения второго класса в отношении обеспечения информационной безопасности детей будет характерно сочетание мер государственно-правового воздействия, некоторых форм саморегулирования и зачатков активности гражданского общества.

Используя ценностную типологию стран, которую выстроили В. Магун и М. Руднев, считаем возможным классифицировать модели информационной безопасности детей отдельных стран на основе принадлежности большинства населения к одному из трёх ценностных клас-

сов. Главным элементом модели безопасности признаётся система фильтрации вредной информации. В зависимости от ценностных ориентаций большинства населения механизм социального контроля над распространением вредной для детей информации в разных странах различается на основе таких критериев, как *разнообразие инструментов регулирования информационной сферы, включая возрастную классификацию информационной продукции, «временной водораздел», чёткость описания критериев вредного контента в нормативных актах различного уровня, неотвратимость и строгость юридической ответственности нарушителей, система негосударственного регулирования медиарынка, активность гражданского общества в виде многообразия институциональных форм (саморегулирующиеся организации, родительская общественность, «горячие линии»), личная активность граждан, включая жалобы на производителей и распространителей информационного контента, использование родителями услуг интернет-фильтрации, медиаобразование детей и родителей, просвещение и, наконец, научная обоснованность критериев вредности информации для детей.* Для обозначения комплексной характеристики информационного фильтра, применяемого в стране, предлагается использовать следующие определения: **реальный фильтр** означает эффективную систему фильтрации вредной информации; **целевой (религиозный) фильтр** существует в виде интенсивного неформального социального контроля, как правило, на базе религиозных убеждений и имеет целью сохранение каналов трансляции традиционных установок; **квазифilter (демонстративный)** не направлен в действительности на фильтрацию негативного контента, но существует в качестве демонстрации заботы о детях и уровня демократичности государства; **псевдо-фильтр (антисоциальный)** означает деформацию реального фильтра в сторону разрушения культурных норм, защиту узкосоциальных интересов (меньшинств) в ущерб интересам большинства, тесно связан с феноменом деформации современной демократии. Информационный фильтр соответствует ценностной ориентации большинства населения страны, поскольку признание информационного содержания вредным непосредственно зависит в целом от понимания девиации и нормы. Другими словами, псевдофильтр есть такое искажение реального фильтра, которое влечёт утрату им своих функций, а квазифilter является лишь декларацией заботы государства о детях, то есть провозглашением в реальности не существующего контроля над оборотом информации.

С ориентацией на опыт международного сотрудничества в области защиты детей, в котором по преимуществу активное участие принимают государства – представители западной цивилизации, имеет значение рассмотрение практики регулирования оборота информации с целью обеспечения безопасности детей в этих странах. За основу взяты результаты исследований опыта зарубежных стран в области информационной безопасности детей Л.Л. Ефимовой, С.В. Кобзевой, О.В. Пристанской, А.А. Смирнова, зарубежной практики регулирования СМИ А.Г. Рихтера, органов саморегулирования СМИ А. Ткача, исследования глобального медиарынка Е.Л. Варгановой.

Достаточно развитой считается система защиты несовершеннолетних от деструктивного влияния информации в Германии. Так, в ФРГ уже в 1953 г. были введены ограничения распространения «материалов, вредных для молодёжи» и создано специальное федеральное ведомство. Ряд норм уголовного законодательства предусматривает ответственность за производство, распространение и ввоз информационной продукции, прославляющей насилие, демонстрирующей порнографию с садизмом, гомосексуализм и педофилию, а также ответственность за продажу порнографических материалов несовершеннолетним или публикацию таких материалов в местах, доступных для несовершеннолетних. Отдельные категории вредного контента имеют специфические признаки. Например, наиболее вредными считаются насилие, пропагандируемое в качестве главного средства решения конфликта, демонстрируемое крупномасштабно, убийства и жестокости. В отношении эротического и порнографического материала акцент делается на преподнесение информации в грубой навязчивой форме, изображение, разжигающее половое влечение (или, как это звучит в российском законодательстве, – «эксплуатирующее интерес к сексу»), представление людей в качестве сексуальных объектов, изображающее привлекательность изнасилования, а также садистские методы в качестве возбуждающих половое желание.

Одновременно с государственным регулированием в соответствии с законом об информационных и коммуникационных службах предусматривается возможность создания организаций добровольного самоконтроля (ДСК). В Германии существует и так называемый «временной водораздел», то есть разграничение времени демонстрации фильма в соответствии с возрастной маркировкой. Например, фильм, разрешённый для просмотра только совершеннолетними гражданами, может быть показан в эфире после 23:00, фильм, разрешённый с

16-летнего возраста, – после 22:00. Для других возрастных категорий нет временных рамок.

Всеобщий обзор ценностей выявил в Германии 45% респондентов, принадлежащих к третьему ценностному классу, и 41% – ко второму [6]. Фильтр негативной информации можно обозначить, скорее, как реальный. Высокий процент представителей второго и третьего классов соответствует сочетанию государственного регулирования и деятельности институтов гражданского общества в системе обеспечения информационной безопасности детей.

В Соединённых Штатах Америки максимально детализируются понятия, характеризующие негативный контент. Например, понимание порнографии (pornography) в США шире, чем в России, и включает такое содержание информации, которое в России может быть отнесено к «эротической» продукции. Наряду с понятием «порнография» есть понятие «непристойность» (obscene), то есть несоответствие принятым стандартам нравственности, в том числе вульгарные или шокирующие выражения, которые обращаются к низменным инстинктам аудитории [7]. Распространение непристойной информации запрещено, в то время как распространение порнографии только ограничено. Распространение легальной порнографии, а именно продукции, нарушающей общественные нормы, допускается в заведениях, доступ в которые несовершеннолетним запрещён, а сами места определяются органами местного самоуправления.

При возрастной классификации кинопродукции учитывается и продолжительность сцен насилия, секса или употребления наркотиков, а также интенсивность, степень выраженности негативного контента, ругательств, насилия, натуралистичность изображения также выступает усугубляющим фактором. Осуществляется возрастная классификация телевизионных программ на основе рекомендаций для родителей по просмотру телепрограмм, действует «временной водораздел», установлена уголовная ответственность за распространение среди несовершеннолетних непристойных и развращающих материалов [8, 9]. В США функционирует детская доменная зона, предусматривающая производство информации при участии детей, – kids.us.

В Канаде действует система возрастной классификации видеопродукции и системы провинций могут отличаться. Общеизвестным опасным для детей контентом считается: насилие, нагота, эротизм, сквернословие, сцены ужаса, жестокости, издевательства, вульгарная (грубая, нецензурная) речь. Имеет значение

также определённая «взрослая» тематика: суицид, наркотики, проблемные ситуации, способные «деорганизовать», инцест, феномены психопатологии и т.д., натуралистичное и детальное их изображение. Ранжирование видеопродукции вменяется в обязанность распространителей продукции. В отношении телерадиовещания действует «временной водораздел»: продукция, предназначенная для просмотра исключительно взрослыми, не демонстрируется с 6 часов до 21 часа. В США и Канаде широко применяются кодирующие телевизор устройства, позволяющие контролировать потребление информации соответствующей возрастной классификации.

В Великобритании также используется «временной водораздел», дифференцирующий эфирное время для информационной продукции разной возрастной классификации. Видеопродукция и телепередачи, включающие эпизодическую демонстрацию половых отношений, могут выходить в эфир не ранее 21 часа. Опасной для детей считается информационная продукция с непристойным содержанием, поощряющая употребление алкоголя, наркотиков, курение, с содержанием насилия (особенно семейного), ругательств, демонстрацией секса и обнаженного тела [10]. Такие ограничения действуют даже в отношении новостных программ, выходящих в эфир в то время, когда не допускается демонстрация определённого контента, например изображения катастроф и терактов. Полная версия новостных передач с соответствующим видеорядом транслируется в вечернее время после 21 часа. Устанавливается уголовная ответственность за непристойные публикации. Интернет-провайдеры Великобритании используют систему «чистая линия», которая позволяет выявлять и блокировать негативный контент. В Великобритании доля населения, относящаяся ко второму и третьему классу, немногим меньше, чем в Германии, – 39% и 37% соответственно [6].

Во Франции запрещается демонстрация в теле- и радиоэфире информационной продукции, содержащей эротику и жестокие сцены, до 22 часов 30 минут, а также запрещается *реклама такой продукции до 20 часов 30 мин.* Функционирует государственный орган – Высший аудиальный совет Франции, в чьи полномочия входит контроль за обеспечением защиты чувств детей и подростков на телевидении. Действует возрастная классификация кинопродукции.

Представляет интерес опыт Нидерландов по созданию системы маркировки аудиовизуальной продукции «Кейквейзер», которая представляет собою набор из пяти возрастных маркеров и сопровождающие их шесть характеристик контента: ужасы, насилие, эротика, зло-

употребление наркотиками (алкоголем), брань, дискриминация. Потребителям информации предоставлена возможность подавать жалобу на негативный контент, воспользовавшись специальным телефонным номером. Авторы ценностной типологии относят Нидерланды к странам с наиболее высоким процентом респондентов, относящихся к третьему классу («самовыражение, рациональные ценности»).

В целом страны Западной Европы и Северной Америки применяют государственное и негосударственное регулирование оборота информационной продукции с целью защиты детей от информации. Наиболее опасными элементами информации в этих странах признаются такие, которые фокусируются вокруг групп: *насилие (убийство, жестокость); эротизм (включая порнографию); ненормативная лексика (включая нецензурную брань и вульгарные выражения); употребление веществ, опасных для здоровья (наркотики, алкоголь, табак); пугающие сцены (ужас, катастрофы), противоправное поведение.* Это наиболее очевидные для большинства стран факторы информации, чьё вредное влияние доказано и не оспаривается. Инструменты обеспечения информационной безопасности детей отличаются большим разнообразием, а информационные фильтры в отелных странах этих регионов можно назвать реальными, или социально ориентированными.

Однако в некоторых государствах существуют такие критерии, обоснованность которых с точки зрения способности навредить ребёнку представляется сомнительной. Таких «особенных» критериев вредной информации достаточно много для того, чтобы утверждать существование различного понимания угроз детству со стороны информационного пространства. Так, существование в Нидерландах такого критерия вредной информации, как *злоупотребление наркотиками*, говорит о терпимом отношении к употреблению «лёгких» наркотиков, а потому опасно наркотиками именно «злоупотреблять», а не просто «употреблять» их, как это считается в большинстве других стран. Дискриминация также признана критерием вредной информации в ряде западных стран, что свидетельствует о признании исключительной ценности толерантности, вне зависимости от дискриминирующих признаков, таких как возраст, пол, образ жизни, национальность, убеждения и сексуальная ориентация. Вредоносность для детской психики данного критерия достаточно относительно и потому должна являться частным проявлением более общего критерия «противоправное или антисоциальное поведение». Также и в США наблюдается отсутствие чётких кри-

териев деления порнографии на легальную и нелегальную, то есть такую, которая «возбуждает низменные инстинкты» и «является явно оскорбительной». Исследователи отмечают, что в Скандинавских странах сексуальный контент не рассматривается как наносящий ущерб здоровью и развитию детей и разрешён с 15 лет. В Дании и Швеции возрастной предел для просмотра взрослых фильмов установлен в 15 лет, то есть просмотр вредного контента допускается детям с 15 до 18 лет. Это указывает на необоснованно лояльное отношение к потреблению детьми информации, эксплуатирующей интерес к сексу.

В Великобритании критерии возрастной классификации фильмов предполагают равное вредное воздействие демонстрации как гетеросексуального, так и гомосексуального поведения. Руководство по классификации фильмов БККФ (Британского комитета по классификации фильмов) специально отмечает, что не допускается различий между гетеро- и гомосексуальными действиями [11, с. 94]. Утверждение допустимости «альтернативной сексуальной ориентации» влияет и на установление дискриминации как одного из критериев возрастной классификации игры Панъевропейской системой информации о компьютерных играх PEGI. Эти факторы позволяют говорить о деформации реального информационного фильтра. Переход реального фильтра в форму псевдофильтра (антисоциального) означает утрату им своей основной функции и сопровождается *идеологизацией всей модели информационного регулирования.* Политически и идеологически ангажированные принципы регулирования информационного оборота перестают основываться на выводах психологической науки и преследуют цели, далёкие от здоровья и развития детей, граничащие с пропагандой ценностей, противоречащих развитию и воспроизводству общества.

В ценностном отношении для стран Западной и Северной Европы характерна большая доля населения, принадлежащая к третьему ценностному классу с присущим ему стремлением к личностной автономии, самовыражению и рационализму. Можно предположить, что это обстоятельство обуславливает особое место толерантности и свободы самоидентификации, включая свободу половой самоидентификации или сексуальной ориентации, в системе ценностей и определяет тенденцию усиления интенсивности передачи этих ценностей подрастающему поколению. Поэтому наиболее высокий процент населения, относящийся к классу «самовыражение», наблюдается именно в странах, где реальный информационный фильтр дефор-

мировался в псевдофильтр, потерявший свою основную функцию – защиту психического здоровья и нравственного развития детей на основе результатов научных исследований, в том числе подтверждавших вред демонстрации детям социально одобряемых нетрадиционных сексуальных отношений, негативно влияющих на самоидентификацию ребёнка [12].

В соответствии с выводами исследователей ценностных классов в странах Восточной Европы и Средиземноморья наблюдается высокий процент населения, принадлежащего ко второму и первому классам, для которых характерна ориентация на властную иерархию, готовность к подчинению и ценность традиции – одной стороны (1 класс) либо девальвация каких-либо авторитетов и властей, слабая личная инициативность, «апатия» (2 класс). При этом отмечается, что в России почти всё население распределяется между первым и вторым ценностными классами [5, с. 17], и поэтому анализ моделей информационной безопасности детей в этих странах представляет для нас особый интерес. Страны с наибольшим процентом населения (более 45%), принадлежащего ко второму ценностному классу, имеют особенности регулирования оборота информации.

Так, законодательство Литвы включает закон «О защите несовершеннолетних от негативного воздействия публичной информации», устанавливающий критерии негативной информации, порядок её распространения, ответственность распространителей, производителей и журналистов. Отметим в качестве отступления, что, в отличие от аналогичного российского закона, действие литовского закона распространяется на рекламу. Перечень критериев вредного контента в целом совпадает с общепризнанным в Европе. Предусматриваются временные ограничения распространения вредной информации, т.е. «временной водораздел». Вместе с тем законом предусматривается беспрепятственное распространение информации, способной причинить вред ребёнку, в случаях: информирования «о политических и социальных событиях, религиозных убеждениях и мировоззрении»; если информация является «значимой с научной или художественной точки зрения»; если оглашение информации «отвечает общественному интересу»; если «объём и воздействие негативной информации являются малозначимыми». Несмотря на то, что СМИ обязаны сообщать о возможном негативном влиянии на несовершеннолетних этой информации, представляется, что данное дозволение открывает широкий простор для злоупотреблений, поскольку оценка «общественной значимости информации,

незначительности вредного воздействия или художественной ценности информации» оставляется всецело на усмотрение распространителя.

В Эстонии с 2016 г. действует закон «Об охране детства», запрещающий производство, демонстрацию и распространение среди детей материалов, разжигающих жестокость и насилие, а также предметов (!), печатных изданий и фильмов, имеющих порнографическое содержание. А закон «О телерадиовещании» запрещает размещение в эфире безнравственной информации. Действует «горячая линия» («Vihje-liin»), и есть возможность передать в правоохранительные органы жалобу о вредной информации, сохраняя анонимность. Однако критерии вредного или безнравственного контента не имеют чёткого определения в законодательстве. Отмечается лишь, что запрещается выпускать в эфир информацию, которая «по всей вероятности» может причинить вред ребёнку.

В Латвии, так же как и в Эстонии, ко второму ценностному классу относятся 57% населения, а к третьему классу – только 6% [6]. Преобладание представителей второго ценностного класса говорит о переходной стадии социального развития, когда люди не ориентированы ни на внешнюю власть, ни на внутренние источники активности, ещё не имеют веры в эффективность собственной инициативы, но уже отказались от авторитета внешних инстанций (государства, религии). Такая ситуация сказывается на понимании угроз детям со стороны информационного публичного пространства и отношении к вопросам обеспечения защиты детей от негативного контента. Недоверие к внешним (государственным) регуляторам информационной сферы и отсутствие уверенности в собственных возможностях граждан предотвратить или пресечь негативную информацию приводит к такой модели информационной безопасности, которая скорее характеризуется декларативностью, чем эффективностью. С одной стороны, наличие специального законодательства свидетельствует о намерении интегрироваться в развитое общество западного типа, с другой стороны, отсутствие отлаженного механизма совместного регулирования информационной сферы и социального контроля – как официального, так и неофициального (со стороны гражданского общества), а также слабость альтернативных инструментов регулирования говорят о существовании *квазифильтра*, основная цель которого заключается в *демонстрации* самого существования системы информационной безопасности детей, как это принято в странах «высокой цивилизации».

Представители первого ценностного класса, как отмечалось, придают большое значение

внешнему авторитету (религия, государство, власть), «послушанию», стремятся к подчинённости и к подчинению (руководству) нижестоящих, к порядку, понимаемому широко и в рамках традиций. При этом отсутствуют ценности личностной автономии, решительности, гражданской активности. К странам с преобладающей долей первого класса (свыше 50%) относятся, например, Грузия, Армения, Азербайджан, Молдова, Кипр. Ценность традиции и приверженность сложившейся общественной иерархии наблюдается в странах Азии и Ближнего Востока [6]. Практика охраны детства от нежелательного информационного контента в странах Ближнего Востока и в некоторых странах Азии наиболее ярко контрастирует с отношением европейского и североамериканского сообщества к проблемам информационной безопасности детей. Для арабских средств массовой информации характерен жесткий контроль со стороны правительства, опирающийся на традиционные социальные нормы, предполагающие одобрительное отношение к цензуре в целом. Поскольку общественное сознание там продолжает оставаться религиозным, а государственно-правовое регулирование большей частью базируется на исламской доктрине, роль цензоров играют как государственные органы, так и религиозные общественные объединения по запросам со стороны консервативной общности. Факторы, определяющие вредоносность информации, тесно связаны с «оскорблением общественной морали», в том числе табуирующей тематику интимных отношений [13]. В настоящее время внимание цензоров там сфокусировано на интернет-контенте. Так, в 2004 г. в Иране был принят закон о наказании за преступления в области Интернета, в соответствии с которым мониторинг информации обязаны проводить интернет-провайдеры, фильтрующие сайты и блоги прежде всего на предмет политической тематики, информации о гомосексуализме, женской эмансипации. Можно говорить о существовании в этих странах достаточно сильного как официального, так и неофициального социального контроля за информационной публичной сферой, а именно за недопущением отклонений (девиаций) от исламской традиционной нравственности.

Существование эффективной системы социального контроля в информационной сфере, как в форме государственно-правового регулирования, так и в форме нормирования с позиций традиционной нравственности, говорит о жесткости мер регулирования медиасферы в странах с высокой долей населения, принадлежащего к первому классу. Именно традиционность в от-

ношении к воспитанию детей и нетерпимость к девиациям, в публичной информационной сфере особенно, создают такую систему фильтрации негативного контента, которая характеризуется целевым (религиозным) информационным фильтром.

Отсутствие толерантности как принципа социального общения также влияет на проявление высокой гражданской активности по противодействию информации, выходящей за рамки строгой традиционной морали. Представляется, что именно фактор сильного неофициального, основывающегося на традиционной морали социального контроля обуславливает в этих странах целевые (религиозные) информационные фильтры, отсеивающие только такой контент, который признаётся вредным, поскольку противоречит традиции, а не вредит психическому и физическому здоровью и развитию, понимаемому целостно и с научных позиций. Например, вопреки научным выводам, в некоторых странах не считается вредной натуралистическая демонстрация насилия, при полном исключении демонстрации половых отношений.

Корреляция принятой в обществе модели фильтрации информационной продукции с существующим социальным статусом детей наблюдается в плоскости признания и расширения прав детей, подобно правам меньшинств. Эволюция социально-правового положения детей связана с возрастанием автономии пространств взросления и увеличением числа детских практик, неподконтрольных взрослым. Поэтому развитие идеи прав человека и связанная с ней эмансипация социальных групп, включая детскую группу, непосредственно влечёт трансформацию стили и формы регулирования информационных потоков и возможность перехода традиционного фильтра в реальный фильтр или в псевдофильтр. Расстояние, разделяющее ценности старших и младших групп населения, или степень межпоколенческих различий, представляется фактором разрастания эмансипационных ценностей и появления таких моделей регулирования, которые ориентированы на расширение прав и свобод детей. При этом принцип этих моделей фильтрации может контрастировать с ценностями старшего поколения, такие фильтры не достигают основной цели, а лишь «демонстрируют демократические намерения» и поэтому являются «квази-фильтрами».

Выводы

Благодаря функционированию в большинстве стран Западной и Северной Европы развитого механизма регулирования оборота информа-

ции, информационный фильтр в этих странах можно назвать реальным. Выявлено, что в странах с высокой долей населения, относящегося к третьему классу, условно названному «самовыражение», наблюдается тенденция деформации реального (социально ориентированного) информационного фильтра, вызванная отходом от научного обоснования вредности информационного контента в угоду политической выгоде или демонстрации приверженности либеральным ценностям и демократизму. Недостаточно объективная интерпретация научных данных о влиянии некоторых видов информационного контента на здоровье и развитие детей, например информации о безопасности радикальных решений проблем половой самоидентичности, информации, препятствующей формированию у ребёнка представлений об отцовстве и материнстве, социальном и индивидуальном значении семьи, выступает главным фактором искажения реального информационного фильтра. Демонстративная защита любого «меньшинства» за счёт намеренной девальвации представления о норме и девиации, сужение (или дробление) вариантов социальной идентификации протекает в рамках концепции мультикультурализма и «политической корректности». Культурная депривация в форме отчуждения от основ культурного опыта предков и их духовных ресурсов оказывает травматическое воздействие на развитие ребенка, формирование высших психических функций, способности к ценностно-опосредованной регуляции поведения. Искажения в трансляции ценностей могут повлечь необратимые изменения в психотипе человека: способах преодоления препятствий, эмоциональной саморегуляции, устойчивости к деструктивному воздействию и способности к самодетерминации [14]. Сознательное и критичное восприятие такой информации ребёнком затруднено в связи с отсутствием возможностей развёрнутого логического анализа и оценки в соотношении с имеющимся опытом [15]. Информационный псевдофильтр, пропуская информацию о существующих формах альтернативного полового поведения и самовосприятия, приобретает характер антисоциального.

Анализ показал, что в странах с преобладанием представителей второго ценностного класса – «ни иерархии, ни инициативной автономии» – при наличии законодательных актов система защиты детей от вредной информации развита недостаточно, а информационные фильтры характеризуются как квазифильтры, лишь демонстрирующие принятие государством мер заботы о детях, соответствующих уровню цивилизованному обществу. Мнимость

квазифильтра на фоне слабого неформального социального контроля обуславливает такое состояние опасности, угрозы в отношении детей, которое не наблюдается в странах, чьё население относится к первому или третьему ценностному классу. Второй ценностный класс определяется как переходный к третьему, и поэтому можно предположить трансформацию информационного квазифильтра в этих странах. Именно квазифильтр мы считаем наиболее уязвимым, так как его формальное существование создаёт видимость защиты детей и ориентируется в развитии на западный эталон регулирования информационной сферы в его последних вариациях, минуя предыдущие варианты, лишённые элементов деформации. Другими словами, развитие данной модели информационной безопасности детей ориентируется сразу на псевдофильтр (антисоциальный), имея его в качестве образца, а не на реальный фильтр.

Неожиданные выводы показал анализ систем информационной безопасности детей в странах, в которых с большой долей вероятности преобладают представители первого ценностного класса «властная иерархия и традиция». Действенность неофициального социального контроля в информационном публичном пространстве, источником которого чаще всего выступают нормы традиционной морали и религии, препятствуют проявлениям девиантного поведения, в том числе в медиaprостранстве. Можно предположить, что трансформация ценностных установок населения в направлении демократизации и вестернизации будет означать переход этих стран в фазу преобладания числа граждан второго класса, что приведёт к ослаблению неформального социального контроля и, возможно, к появлению квазифильтра.

Разные модели информационной безопасности предполагают разный статус детства как социальной группы [3]. Отношение к детям как к равным наблюдается в моделях с псевдофильтром; как к членам общества, не обладающим способностью к автономии, но и не нуждающимся в защите от информации, кроме защиты каналов усвоения традиций, – в моделях с религиозным (традиционным) фильтром; как к нуждающимся и в особой защите и имеющим потребность в усвоении навыков автономии – в моделях с реальным фильтром. Псевдофильтр предполагает беспрепятственное предоставление выбора в расчёте на несуществующую потребность детей в наличии выбора, невзирая на объективную невозможность детей критически оценить информацию.

Выработка принципов информационной фильтрации, среди которых ведущее место за-

нимает научная обоснованность вредности опрделённого контента и объективная интерпретация исследований, признание объективных закономерностей развития детской психики, позволит, с одной стороны, предотвратить деформацию реального информационного фильтра и превращение его в псевдофильтр и, с другой стороны, поможет осуществить переход целевого (религиозного) фильтра в реальный фильтр, минуя фазу квазифильтра.

Список литературы

1. Зосименко И.А. Социология массовых коммуникаций: Учебник. Ульяновск: УлГТУ, 2013. 357 с.
2. Бузин В.Н. Медиапланирование как социально-управленческая технология повышения эффективности информационной кампании: Дис. ... к. соц. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2008. 154 с.
3. Майорова-Щеглова С.Н. Как общество должно обеспечить информационную безопасность детей: взгляд социолога // Сборник докладов на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации». М., 2014. С. 159–169.
4. Солодовников М.В. Цензура как механизм социального контроля: социологический анализ: Дис. ... к. соц. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2011. 150 с.
5. Магун В., Руднев М. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарт // Вестник общественного мнения. 2012. № 3–4(113). С. 12–24.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. Зарубежный опыт законодательной деятельности по обеспечению защиты детей и подростков в сфере телевидения и радиовещания (по материалам российской и зарубежной печати) // Аналитический вестник 2002 г. Вып. 23 [Электронный ресурс]. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4419/14421> (дата обращения: 14.12.2017).
8. Wells L. Children and television / University of Florida. Retrieved April 11, 2011.
9. French S., Story M. Food advertising and marketing directed at children and adolescents in the US // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. 2004. February. 1 (3).
10. Akdeniz Y. Controlling illegal and harmful content on the Internet // In: Wall D.S. (eds.) Crime and the Internet. London: Routledge, 2001. P. 113–140.
11. Ефимова Л.Л., Кочерга С.А. Информационная безопасность детей. Российский и зарубежный опыт: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 240 с.
12. Regnerus M. How different are the adult children of parents who have same-sex relationships? Findings from the New Family Structures Study // Social Science Research. 2012. 41. P. 752–770.
13. Вартанова Е.Л. Северная Европа: специфика интегративно-социокультурной модели взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 8. С. 120–124.
14. Фильдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребёнка и ситуации его развития // Культурно-историческая психология. 2010. № 2. С. 98–104.
15. Критерии вредного для здоровья и развития детей контента информационной продукции, распространяемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: http://monitoring.mhg.ru/sites/default/files/files/razdel_.pdf (дата обращения: 12.01.2018).
16. Варданыц Г.К., Бондарь Д.В. Организованная преступность в России: вопросы социального контроля // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология. 2011. № 2. С. 169–186.
17. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.
18. Блэк Д. Преступление как социальный контроль // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: Хрестоматия современных текстов. М.: Статут, 2014. С. 320–337.
19. Суворов М.Н. Религиозная цензура литературной продукции в арабских странах (XX – начало XXI в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Вып. 4. 2015. Декабрь. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2015. С. 115–123.
20. Черных А.И. Социология массовых коммуникаций. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 451 с.
21. Глобализация и девиантность / Науч. ред. Я.И. Гилинский. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 393 с.
22. Маккей Г.Д., Шоу К.Р. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сб. ст.: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. С. 288–298.
23. Обрывалкина О.А. Концепции социального контроля в американской социологии XX века // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 68–75.
24. Парк Р. Избранные очерки: Сб. переводов / РАН ИНИОН; сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2011. 320 с.
25. Рихтер А.Г. Международные стандарты и зарубежная практика регулирования журналистики: Учебное пособие. Издание ЮНЕСКО. М., 2011. 360 с.
26. Смирнов А.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 160 с.
27. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991. 186 p.
28. Inglehart R., Welzel C. Changing mass priorities: The link between modernization and democracy // Perspectives on Politics. 2010. 8 (2). P. 551–567.
29. Полянина А.К. Принцип автономии личности в постановлениях Европейского суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 195–204.

**STUDYING MODELS OF FILTERING INFORMATION HARMFUL FOR CHILDREN BASED
ON THE COMPARISON OF APPROACHES USED IN FOREIGN COUNTRIES**

A.K. Polyagina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This paper presents an analysis of various indicators of the effectiveness of children's information security systems. Classification of models for filtering negative content is carried out in accordance with the three value classes of citizens, depending on their adherence to certain values, conventionally designated as «traditional» values and values of «self-expression». The author uses the following terminology denoting the comprehensive characteristics of the information filter: a real (socially oriented) information filter means an effective system for filtering harmful information; a target (religious) filter is based on the religious beliefs of the population and has the purpose of preserving the channels for transmission of traditional attitudes; a quasi-filter exists as a demonstration of the care for children and the level of state development; a pseudo-filter (antisocial) means deforming a real filter towards protecting narrow social interests (of the minorities) to the detriment of the majority's interests, it is closely related to the phenomenon of deformation of modern democracy and a departure from the scientific justification of the harmfulness of information content in favor of politically biased demonstration of commitment to liberal values. The article attempts to identify patterns of transformation of information filters. The dependence of the information security model on the social status of childhood adopted in the country is confirmed. It is noted that the scientific validity of the harmfulness of certain information content and an objective interpretation of research on emerging threats will ensure a balance of interests of information consumers and effective social control as a mechanism to counter social disorganization.

Keywords: social control, information filtering, information harmful to children, children's information security, values, freedom of speech, censorship, childhood status.